Куда ушли минога, хариус и лосось?

Петрозаводск — это не только Онежская набережная, но еще и водные артерии, такие как Неглинка и Лососинка, о чем зачастую забывают чиновники, бизнесмены и горожане.

Беседовала Маргарита *ХОЛОДНАЯ*
mkhol@bk.ru

«Когда-то я ловил на Лососинке красную рыбу», — любят вспоминать старожилы. Теперь об этих славных днях мало кто помнит — лосось и форель не плещутся в наших водах уже давно. Конечно, время от времени возникают разговоры о том, что рыбу не мешало бы и вернуть. Только вот верится в это мало. Впрочем, *доктор биологических наук, профессор-ихтиолог, сотрудник КарНЦ РАН Алексей ВЕСЕЛОВ* уверен, что это нам вполне по силам.

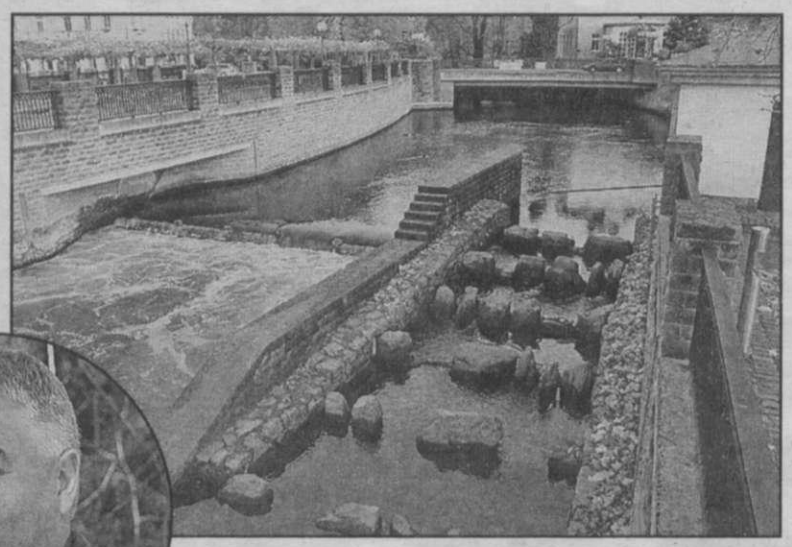
Почему исчезла рыба?

— Говорят, что рыба в Неглинке и Лососинке плескалась еще во второй половине XX века, а потом она резко исчезла. Что же произошло?

— Действительно, еще в 60-х годах обе реки выглядели совсем иначе. Они были населены живностью, берега были покрыты зарослями ивняка. Но затем начался их упадок. Во-первых, изменились русла, они были частично превращены в каналы. Там, где раньше были заводи (реки извивались), их нет. Русла выпрямили, а Неглинку в устье вообще сильно отвели в сторону — на том месте, где когда-то была вода, теперь стоят дома. Береговую растительность, которая служила проективным покрытием (не давала перегреваться воде и препятствовала размытию), вырубили. Нарушен и состав грунта в русле — там должен быть небольшой процент песка, много гальки и крупных валунов – теперь песок и глина.

— И, наверное, вода сильно загрязнена?

— Не без этого. В воду попадает множество стоков — прежде всего с дорог. Канализационная система в Петрозаводске такова, что все сливы с городских мостов ведут в Неглинку и Лососинку, а вместе с ними в реки попадают и все вредные вещества, к примеру, тот же бензин и отработанные масла. Такого не должно быть. Мы проводили исследование кормовой базы для рыб, рассматривали виды и численность беспозвоночных организмов, которыми они питаются. Оказалось, что за все эти годы их стало меньше, причем преимущественно остались такие организмы, которые способны выживать в загрязненной воде, — это тоже показатель. Чистота воды в реках отражает и экологическую ситуацию в городе. Но в целом, надо сказать, что ситуация с загрязнением воды у нас не критическая. По-прежнему и в Неглинке, и в Лососинке водится рыба.



Алексей Веселов: «У нас могли бы быть такие же рыбоходы, как на Рейне»

— Но явно меньше, чем раньше?

— Конечно. Сегодня у нас водится минога, хариус, подкаменщик, усатый глец, гольян, два вида колюшки, плотва, окунь и щука. В город заходят единичные особи лосося и несколько десятков кумжи — по-народному, форели. Между тем наши реки раньше славились именно этой рыбой. Исчезла она после установки плотин. Дело в том, что лосось и кумжа имеют особый жизненный цикл: они нерестятся только в реках и ручьях, а затем уходят в озера или моря на нагул. Например, мальки лосося живут в реке 2-3 года, пока не вырастут до 15 сантиметров. Когда защитная пятнистая окраска, позволяющая спрятаться среди гальки, сменяется на серебристую, лосось скатывается в море или озеро: он хищник и на большой воде ему легче пропитаться. Когда рыба подрастает до 70 сантиметров, она возвращается обратно в родную реку, чтобы вновь отложить икру. Плотины же, впервые построенные еще при Петре I, не дают ей вернуться к местам нереста. Кумжа к этому приспособилась — в наших реках живет небольшая популяция. Ее особи, не имеющие возможности уйти в озеро, вырастают карликовыми. А вот лосось всегда уходит и вернуться назад уже не может.

Как ее вернуть?

— Как можно исправить этот недостаток?

— На Лососинке сейчас есть три плотины, и две из них непреодолимы для рыб. Чтобы дать лососю возможность мигрировать, нужно в плотинах построить рыбоходы. Такая идея появилась в Институте биологии КарНЦ РАН 20 лет назад, когда европейские страны начали возвращать рыбу в городские реки — как видите, подобная проблема есть не только у нас. Сейчас такие работы проведены в Оулу и Вантаа в Финляндии, на реке Рейн в Германии. Немцы, кстати, в этом деле особенно преуспели. Во-первых, они изучают фауну соседних рек, архивные документы, чтобы представить, какая живность водилась здесь раньше. Во-вторых, строят естественные рыбоходы в плотинах, выкладывая их из гальки и камней, чтобы все, от бычков до лососей, могли их преодолеть. Мы у немцев многому учимся в этом направлении.

— Почему же не сделать такие рыбоходы у нас?

— Владельцы плотин сейчас — «Норд-Гидро», компания занимается строительством малых ГЭС в регионах. Они восстанавливают малые электростанции, например, сделали одну в Ляскеля. По закону, при установке станции они обязаны сделать рыбоход, но с плотинами Петрозаводска «Норд-Гидро» пока не работает, а значит, и нужды устанавливать рыбоходы у них нет. Кроме того, есть вероятность, что к их установке они отнесутся формально: поставят бетонные лотки — и все. А нам на установку нужны деньги. Институт биологии совместно с Карелрыбводом писал заявку главе Карелии с просьбой профинансировать такие работы к юбилею республики.

Что еще этому мешает?

— Неужели проблема только в плотинах?

— Конечно, нет, у лосося и кумжи должны быть подходящие места для нереста, которые сегодня уничтожаются. В частности, в устьях обеих рек работала техника. Так, недавно экскаватор разрыл все русло у туркомплекса «Карелия». Видимо, там хотели укрепить берега, чтобы под фундамент не подбиралась вода. Но добились прямо противоположного эффекта: теперь подмывает выложенные в русле из валунов барьеры с обратной стороны, и, кроме того, они были отсыпаны из нерестового грунта. А на нерестовом участке вместо гальки теперь песок, а то и глина, совершенно непригодная для нереста, — а ведь еще несколько лет назад туда приходили в большом количестве миноги.

Другой подходящий участок реки есть возле Онежского тракторного завода. Но в свое время завод отсыпал шлак прямо в реку. Теперь на дне можно найти, к примеру, очень много цветного стекла. Мы вели разговор с представителем «Охты-груп», они готовы убрать стоки, ведущие от бывшего завода. После этого на дно можно засыпать грунт, и участок снова станет пригоден для жизни рыб и других гидробионтов.

Канализация русла, проведенная когда-то, тоже мешает нормальным условиям существования рыбы. Когда река изгибается, в ней есть ямы, или бочаги, это замедляет скорость течения. У рыбы есть возможность спрятаться и отдохнуть, она затрачивает меньше энергии, чтобы преодолеть течение. В прямом русле-канале она жить не может — солнце будет перегревать воду, негде спрятаться и отнереститься, высокие скорости течения снесут вниз.

А еще нужно восстановить популяции. При естественном нересте большая часть икры погибает. Мы сейчас разрабатываем технологию, делаем искусственные гнезда-инкубаторы, которые помещаем в реку. Выживаемость икры здесь почти 95%, но рыба остается дикой: она не заводская, как в рыбных хозяйствах. Если восстановить запасы лосося, то популяция в Лососинке достигнет, я думаю, 2000-3000 особей. Если провести такую работу, это принесет только пользу. Наличие рыбы в реке — это имидж города.

— А если люди, как только заведется лосось, кинутся его ловить?

— Мы уже обсуждали этот вопрос с Карелрыбводом. Его специалисты готовы охранять участки рек, где будет нерест. Если лосося будет много, то нет смысла запрещать его ловлю — можно просто продавать лицензии, а вырученные деньги направлять на охрану рек — так делают во многих европейских странах. Еще интересный опыт есть в Мурманской области: там развита спортивная рыбалка. Желающие за деньги могут ловить рыбу и потом отпускать. Поймал — сфотографировался, получил удовольствие от процесса и отпустил. Это и туристов привлекает, и дает дополнительные рабочие места для местных жителей, и деньги в областную казну поступают. Так что восстановление популяций красной рыбы в реке полезно не только для окружающей среды, но и для экономики города.

Реклама

А как у них?

1 ноября 1986 года на Рейне произошла одна из самых крупных в Европе экологических катастроф. Пожар на химическом заводе фирмы «Сандос» в швейцарском Базеле привел к сбросу в реку 30 тонн пестицидов, ртути и других сельскохозяйственных химикатов. Рейн приобрел красный цвет, людям в районе реки было запрещено выходить из дома, в некоторых городах ФРГ были закрыты водопроводы, вместо которых использовалась привозная вода в цистернах. В течение 10 дней загрязнения достигли Северного моря. В результате, по некоторым оценкам, погибло полмиллиона рыб, некоторые виды полностью исчезли.

После бурной реакции общественности уже в 1987 году была принята «Программа действий — Рейн», рассчитанная до 2000 года. По-другому она называлась «Лосось-2000», так как была нацелена на возвращение к этому сроку чувствительной к загрязнениям рыбы в реку. В результате активных действий властей количество сбрасываемых в реку нитратов и фосфора уменьшилось на 50 %, а уменьшение некоторых других загрязнений было в пределах от 80 до 100 %. Лосось вернулся в реку на 3 года раньше, в 1997 году. Теперь программа «Рейн-2020» нацелена на то, чтобы сделать реку достаточно чистой для плавания.